

— Да? — Цзян Лефэн рассмеялся, но в его смехе чувствовалась ярость. — Когда я только приехал, вы считали меня частью семьи Цзян? Я провел в доме Цзянов меньше трех дней, после чего меня отправили в закрытую школу, а на каникулах я ходил на различные курсы. За год я жил в доме Цзянов не больше пяти дней. И только когда я стал полезен, вы вспомнили, что я член семьи Цзян.

— Значит, ты все это время держал на меня обиду, на семью Цзян, — старый господин Цзян не нашел, что ответить, потому что Цзян Лефэн говорил правду.

— Не держу. В конце концов, в моих жилах течет кровь Цзянов, и я должен служить семье, — холодно ответил Цзян Лефэн. — Но, дедушка, за все эти годы я сделал для семьи Цзян достаточно. Даже тюремное заключение имеет срок.

Старый господин Цзян замолчал.

— А Бай и другие ждут меня, я пойду, — Цзян Лефэн не хотел продолжать разговор и повернулся, чтобы уйти. У двери он вспомнил еще одну вещь. — Дедушка, такие семейные встречи больше не для меня и А Бая. Надеюсь, вы сообщите им об этом. И еще, я разошлю приглашения на свадьбу, но приходить или нет — их выбор. Не надо заставлять.

Старый господин Цзян хотел что-то сказать, но в конце концов лишь открыл рот, не произнеся ни слова, и смотрел, как Цзян Лефэн уходит.

Только сев в машину, Цзян Лефэн немного успокоился. Увидев беспокойство на лице Нин Юйбая, он вдруг обнял его и сказал:

— Прости, А Бай, что заставил тебя страдать. Только этот раз, больше я не привезу тебя сюда.

— Со мной все в порядке, — ответил Нин Юйбай. — Старый господин не одобряет наш брак? Может, просто забудем об этом, не стоит из-за меня разрушать отношения в вашей семье.

Цзян Лефэн чуть не взорвался от злости. Они уже официально зарегистрировали брак, а он все еще мог говорить такое. Он ткнул его в лоб:

— Если я еще раз услышу это, я... я...

Он подумал: «Я затащу тебя в постель и оттрахаю!». Но при сыне и внуке такие слова было невозможно произнести. Однако он посмотрел на ягодицы Нин Юйбая, и смысл был ясен.

— Больше не буду, — Нин Юйбай отодвинулся на сиденье, понимая, что зашел слишком далеко.

Цзян Лефэн временно оставил его в покое и посмотрел на Нин Жаня:

— Жань Жань, ты не пострадал? Я видел, что Сюэ Му и другие выглядели не очень довольными.

Нин Жань, который с беспокойством наблюдал за своими отцами, услышав это, рассмеялся:

— Как я мог пострадать? Все их колкости я отбил.

Он был доволен, но теперь его охватило беспокойство:

— Этот Сюэ Му... Он не станет мстить потом? Он кажется довольно злопамятным.

— Он не посмеет! — лицо Цзян Лефэна стало холодным. — Я уже предупредил его после прошлого инцидента, он знает, что делать. Если что-то подобное повторится, я не буду церемониться.

— Понятно, — Нин Жань успокоился. Бояться нужно не воров, а тех, кто постоянно замышляет месть. Это утомительно.

Семья на время забыла о неприятностях на вечере и с радостью отправилась домой.

В тот день, после занятий, четверо друзей из общежития пошли вместе в столовую.

— Жань Жань, ты завтра... пойдешь в Цзиньчэн на работу? — осторожно спросил Чжань Яо.

Они уже знали, что Нин Жань поссорился с Шэнь Босином.

— Пойду, — подумав, ответил Нин Жань. — Но только чтобы уволиться.

Они поняли. Хотя они были друзьями, они все же поддерживали Шэнь Босина, ведь именно Нин Жань изменил ему, заведя ребенка с кем-то другим. Поэтому продолжать стажировку было неловко.

Нин Жань чувствовал внутренний конфликт. Он был уверен, что Цзиньцзинь — ребенок Шэнь Босина. Он внимательно изучал Цзиньцзиня, и тот был похож на него на пятьдесят процентов, а еще на тридцать процентов — на Шэнь Босина, особенно глаза, которые были почти идентичны. Остальные двадцать процентов были его личной чертой, не похожей ни на кого.

Но он никак не мог вспомнить, что именно произошло в тот год. И как он должен относиться к Шэнь Босину, он тоже не знал. Лучше было временно отдалиться, поэтому и не было смысла продолжать стажировку в Цзиньчэн.

Войдя в офис, коллеги встретили его как родного:

— Нин Жань, наконец-то ты пришел.

Нин Жань улыбнулся:

— Я пришел, но ненадолго, скоро уйду. Спасибо всем за заботу.

Услышав это, все расстроились, не зная, как долго еще придется терпеть эту напряженную атмосферу.

Нин Жань пошел в отдел кадров, взял бланк увольнения и начал собирать подписи в разных отделах. Когда он пришел в кабинет директора Лю, тот сначала обрадовался, но, увидев бланк, удивился:

— Ты уходишь? Шэнь Босин знает об этом?

Нин Жань ответил:

— Ваш Шэнь Босин не захочет меня видеть.

Директор Лю задумался, затем сказал:

— Сначала позови Цянь Фанчжэна, я хочу уточнить детали передачи дел.

Нин Жань ничего не сказал и пошел звать Цянь Фанчжэна.

Директор Лю тем временем поспешил позвонить Шэнь Босину. Если он отпустит парня Шэнь Босина, тот потом его съест.

Когда звонок был принят, директор Лю поспешно сказал:

— Шэнь Босин, Нин Жань сегодня пришел увольняться. Вы знаете об этом?

На той стороне была минута молчания, затем прозвучал ответ:

— Не утверждать! Я сейчас приду.

Тем временем Нин Жань привел человека, и директор Лю начал говорить о каких-то несущественных вещах, например, что здесь неясно, там не передано, просто чтобы затянуть время. Пока Шэнь Босин не спустился и не увел Нин Жаня, директор Лю вздохнул с облегчением, словно завершил огромный проект, и махнул рукой, чтобы Цянь Фанчжэн вышел.

Шэнь Босин схватил Нин Жаня за руку и отвел в свой кабинет, затем смотрел на него с непонятным выражением.

Все эти дни он ждал звонка от Нин Жаня. Сначала он представлял, как Нин Жань будет рыдать и просить прощения, клянясь, что любит только его и никогда больше не посмотрит на других, не будет общаться с матерью Цзиньцзиня. Потом он думал, что если Нин Жань просто пошутит и скажет что-то приятное, он сможет простить его, и они начнут заново. И даже если Нин Жань просто позвонит, ничего не говоря, это будет достаточно.

В любом случае, Нин Жань должен был позвонить первым, показать свое отношение. Это был принцип.

Но он ждал и ждал, каждый день проверял телефон, иногда даже сомневался, не сломался ли он, раз Нин Жань до сих пор не позвонил. Он звонил другим, чтобы убедиться, что с телефоном все в порядке, но потом сожалел, что, возможно, Нин Жань звонил именно в тот момент, когда он звонил кому-то еще.

Шэнь Босин каждый день мучился, но вместо звонка от Нин Жаня он получил новость о его уходе.

— Почему ты уходишь? — Шэнь Босин смотрел на Нин Жаня, с трудом сдерживая желание обнять его.

— Я думал, ты больше не захочешь меня видеть, — холодно ответил Нин Жань. — Лучше уйти самому, чем быть отвергнутым.

— Я не смешиваю личное с профессиональным, ты... вполне можешь остаться, — Шэнь Босин чуть не сказал: «Ты не можешь уйти».

Нин Жань не хотел продолжать этот разговор и прямо сказал:

— В последнее время я очень занят, у меня нет времени на стажировку.

Шэнь Босин фыркнул:

— Да, сыну Цзян Лефэна, конечно, не к лицу стажироваться в такой маленькой компании.

Нин Жань посмотрел на него, понимая, что его гордость снова взяла верх, и промолчал, как бы соглашаясь.

Шэнь Босин почувствовал, что его удар попал в пустоту, и его гнев не нашел выхода. Хотя это был не его проступок, он не хотел сдаваться. Почему? Из-за его бесконечной снисходительности? Но как мужчина может терпеть измену своей второй половинки? Он просто хотел услышать объяснение, но тот даже этого не дал.

Стиснув зубы, он задал вопрос, который мучил его все эти дни:

— Мама Цзиньцзиня... вы все еще общаетесь?

Нин Жань равнодушно взглянул на него:

— У Цзиньцзиня нет мамы.

Только два папы.

Что это значит?

Шэнь Босин с недоумением смотрел на Нин Жаня. Неужели мама Цзиньцзиня... ушла? Умерла? Или что-то еще?

<http://bllate.org/book/16793/1564015>